

БОГОСЛОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
“ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ”

Москва, г/к “Даниловский” 14-17 ноября 2005 г.

*А.И. Шмаина-Великанова,
РГГУ*

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ЭККЛЕЗИОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ ПРМЦ. МАРИИ (СКОБЦОВОЙ)

Богословская мысль Матери Марии, «святой для нашего времени», как назвал ее приснопамятный вл. Антоний Сурожский, целиком была эсхатологична. Изначально она провидела вершину и завершение своего личного духовного пути, добровольную жертву — «конец мой, конец огнепальный» и также очень рано осознала стремительное приближение сначала русской, а затем мировой катастрофы, кровавого апокалипсиса, в котором выветится явно для всех огненный белый лик христианства, обновленной, освобожденной от всех житейских пут Церкви. Эту Церковь она не только провидела, она ее опытно, изнутри знала, т.к. в ней *уже* жила сама и потому с уверенностью о ней говорила и всех в нее звала.

В этом нетрудно убедиться, просмотрев хотя бы заголовки или вспомнив темы подавляющего большинства статей ММ. Особенно нас, конечно, интересуют поздние работы, написанные после принятия ею в 1932 г. монашеского пострига. Начнем с названий: «Под знаком гибели», «Российское мессианское призвание», «Прозрение в войне», «Рождение в смерти», «Об антихристе», «Настоящее и будущее Церкви», «Под знаком нашего времени», «12-й час» — тут не нужно даже пересказывать содержание — эсхатология вынесена в заголовки. Однако, за нейтральным названием «Православное Дело II» или за профессионально-церковным наименованием «Об аскетизме» или за религиозно-философской иронической этикеткой «Оправдание фарисейства» стоят сочинения, посвященные христианской эсхатологии и проникнутые эсхатологическим духом. Центральная тема всех этих сочинений — гибель и преображение мира. Старая Европа, старая Россия, даже старая церковность (не вечная Церковь!) гибнут, христианство высвобождается и преображается, а человечество стоит перед выбором: замкнуться в старом и умереть или, «отдавая души свои за други своя, идти по стопам Христовым на нам предназначенную Голгофу»¹.

Сама по себе такая погруженность ММ в эсхатологический аспект богословских размышлений вполне естественна. Прежде всего ее предопределило то влияние, которое оказал на ММ Серебряный век. Об эсхатологичности как об определяющей черте русской религиозной мысли начала XX в. писала она сама, да и не только она. ММ не раз называла Достоевского, Соловьева и мыслителей начала века пророками, сказавшими все заранее, увидевшими неизбежность мировой катастрофы еще в самые идиллические времена. Однако ее время не было идиллическим. Отнюдь не только принадлежность к культуре Серебряного века, дружба с Блоком или знакомство с Вяч. Ивановым приучили ММ различать приближающийся апокалипсис. Первая мировая война, революция, гражданская война, эмиграция — все это она не наблюдала издалека, — вместе с Гете она могла бы воскликнуть: «Я не зритель посторонний, я участник битв земных». Эмиграция, не только и не столько собственная, но деятельное участие в жизни безработных, бездомных, безумных русских людей дала, я думаю, особенный толчок ее эсхатологическим размышлениям и видениям. Не каждому выпадает при жизни умереть, быть развеванным по ветру и призраком скитаться по пригородам и подворотням больших городов. Эмигрант этот опыт проходит и потом уже никакие войны и революции не могут его удивить, как это описал Ходасевич: «Неузнанный проходит Каин с экземою между бровей». Во всех статьях и выступлениях 20-30 гг. ММ на все лады повторяет: «Всякому, кто не слеп, очевидно его (нашего времени — *А.Ш.-В.*) гибельность, всякий, кто не глух

¹ «Вторая евангельская заповедь», Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Имка-Пресс, Париж, 1992, т. 1, стр. 230. Далее все неоговоренные цитаты по этому изданию.

слышит раскаты приближающегося землетрясения»². Затем, в годы Второй мировой войны и нацистской оккупации Франции, ощущение проживания в совершающемся апокалипсисе стало всеобщим — об этом свидетельствуют мемуары и письма современников. Опять-таки во многих работах военного времени, особенно в «Размышлениях о судьбах Европы и Азии», ММ подчеркивает особый, апокалиптический характер последней войны, сатанинское человекобожие нацизма, мертвенность Европы: «В большом благоустроенном старом европейском доме сейчас стоит гроб»³, шигалевский тоталитаризм сталинской России и проч., и называет эту эпоху — христианской, «время христианствует»⁴.

Почему она приходит к столь парадоксальному выводу? Что христианского ММ находит в только что так страшно и точно ею обрисованном времени рабства и войн? Она убеждена, что апокалипсис дает возможность родиться эсхатологической Церкви. Какой она ее видит? В первую очередь *свободной*. Старый мир и старый быт рухнул. ММ не радуется этому, она это только констатирует. Синодальный период жизни Церкви безвозвратно ушел в прошлое, Церковь может чувствовать себя не отягощенной грузом старых привычек, являющихся отражением рухнувших устоев (что не означает, разумеется, что Церковь должна отказаться от традиции — т.е. от себя самой), она может чувствовать себя не связанной с императорской Россией, которой нет. От старого свободна вся православная Церковь, но в применении к эмиграции это особенно очевидно. Эмиграция вынужденно безответственна, беспочвенна и существует в пустоте. Это трагическое положение напоминает о положении древней христианской Церкви, никому неведомой, ни с каким бытом и почвой не связанной, и предобразует новое эсхатологическое состояние Церкви, так же незримой в кровавой битве народов и классов. Однако, эмиграция — это слишком частный случай и хотя, говоря о ней ММ пророчесствует о роли Церкви в послевоенном мире, одновременно она констатирует некое экзотическое явление — эмигрантская Церковь свободна. Вместе с тем она отмечает и другой феномен, уже общий, присущий и России, и Германии, знакомый послевоенному времени: Церковь освобождает не только то, что она беспочвенна, никому не нужна, — она свободна, потому что гонима. Христианин стоит перед гибелью, напоминает ММ, и тогда все сгорает, «остается только Бог, человек, вечность и любовь».

Свобода может быть самый важный признак Церкви, живущей в условиях наступившей эсхатологии. Однако, ММ указывает на еще одну важнейшую ее черту, — жертвенную открытость, экуменизм. Она имеет в виду не экуменизм конференций и встреч между профессорами и иерархами различных конфессий, ММ подразумевает готовность эсхатологической Церкви — Нового Израиля — следовать по пути Ветхого Израиля — истребляемого еврейского народа. Она указывает на знаки нового времени: православные, католики и протестанты, христиане и евреи сидят в одних лагерях, борьба нацизма с Израилем той же природы, что и борьба с христианством. И она видит в этом не мелочь, не политический зигзаг, а подлинную мистику Церкви, возможность исполнения пророчества ап. Павла, исполнения времен. ММ пишет: «Освобожденная от союза с государством и гонимая Церковь видит рядом с собою некогда побежденную сестру, Церковь ветхозаветную, также гонимую, но продолжающую быть живой личностью. Они рядом перед теми же мучителями. Между ними волею внешнего мира создается новый и таинственный союз. Он, может быть, есть самое ценное и значительное из всего, что сейчас происходит в мире. Сын Давидов, непризнанный своим народом Мессия, распинается сейчас вместе с теми, кто некогда Его не признал. Крест Голгофы лег на плечи всего Израиля. И этот голгофский крест обязывает. <...> Этим определяется огромная ответственность, лежащая сейчас на христианстве, на каждом христианине в отдельности»⁵. Таинственный союз, о котором писала ММ, не стал явным, зов ММ не был услышан, может быть, единственный, кто был ему вполне созвучен — Бонхёффер, писавший, что если мы хотим быть христианами, мы все должны броситься под колеса нацистской машины. Не случайно, наверно, Бонхёффер дает Церкви будущего, которую провидел он и ММ, парадоксальное название — церковь для других, он говорит: «Церковь только тогда является церковью, когда это церковь для других. Чтобы положить начало, она должна всю свою собственность раздать нуждающимся»⁶.

Церковь для других, церковь, выявляющая себя прежде всего не в обряде, но в человеческих отношениях, не может, по мнению ММ, родиться как душевный порыв, как проект человеческих эмоций. Она должна иметь твердое богословское основание, образец, следуя которому человечество собирается в Церковь. И она находит этот образец в Богоматери.

² «Под знаком гибели», т.1, 189.

³ «Размышления о судьбах Европы и Азии». Мать Мария. Жатва духа. «Искусство—СПб», 2004, стр. 469.

⁴ ММ, т.1, 198.

⁵ «Размышления о судьбах Европы и Азии». Мать Мария. Жатва духа. «Искусство—СПб», 2004, стр. 496.

⁶ Д.Бонхёффер. Сопотивление и покорность. М., Прогресс, 1994, стр. 284.

«Если отвлекаться от того, что явлено нам в прославленном образе Богоматери, если воспринимать Ее только в Ее земном пути, т.е. там, где можно говорить о «подражании» Ей, то этого совершенно достаточно, чтобы христианская душа поняла какие-то особые возможности, открывающиеся перед ней. Именно на этом богоматеринском пути надо искать оправдания и обоснования наших чаяний, найти религиозный и мистический смысл подлинного человекообщения, который вне его как-то ускользает от нас»⁷, — пишет ММ.

Человечество, идя путем любви, *усыновления*, т.е. собираясь в Церковь, следует за Богоматерью, пронзенной Крестом Сына.

«Во-первых, и главное, — мы видим Христово человечество, Церковь Христову, Тело Христово, которому Божья Мать тоже Мать. И это выражение не есть только некая благочестивая лирика, оно точно и соответствует самому пониманию церкви как Тела Христова. А если так, то и по отношению к церкви вечно живо то, что она испытывала по отношению к своему Сыну. Мать Богочеловечества — Церкви, Она и сейчас пронзается муками этого Тела Христова, муками каждого члена этого тела. Другими словами, все бесчисленные кресты, поднимаемые человечеством на свои плечи, чтобы следовать за Христом, оборачиваются такими же бесчисленными мечами, вечно пронзающими Ее материнское сердце. Она продолжает *со-участвовать*, *со-чувствовать*, *со-страдать* каждой человеческой душе, как в те дни на Голгофе».

«Пусть на человеческих плечах, в путях человеческого богоподобия, лежит крест. Человеческое сердце должно быть пройдено еще обоюдоострыми мечами, оружием, рассекающими душу, чужих крестов. Крест ближнего должен быть для души мечом, должен пронзать ее. Она должна *со-участвовать* в судьбе ближнего, *со-чувствовать*, *со-страдать*. И не она выбирает эти мечи, — они выбраны теми, кто воспринимал их, как крест, поднимаемый на плечи. По подобию своего первообраза, Богоматери, человеческая душа влечется на Голгофу, по следам своего сына, и не может не влечься, и не может не истекать кровью. Мне думается, что тут лежат подлинные мистические основы человекообщения»⁸.

Человеческий аспект Церкви — мистическое человекообщение по образу Богоматери. Церковь причастна Богоматеринству: она рождает Слово в Духе.

«Как образ Божий в человеке раскрывается и осуществляется не только как образ Его Матери, так и в земной церкви раскрывается не только тайна Богочеловечества, но и Богоматеринства. Богоматерь, дающая свою человеческую плоть Сыну, является *личным воплощением* церкви, Тела, Плоти Христовой, а потому средоточием всего тварного мира. Она в Себе соединяет тварную и нетварную природу.

Осеняемая Духом Святым, Она становится Богоматерью, — *рожден* Логос.

И это богоматеринство — в Ней и с Нею — является достоянием всей церкви. В Ней и с Нею Мать Церковь причастна к богоматеринству»⁹.

Так, по учению ММ, строится Церковь.

Эсхатологическая Церковь, «бессильная как Бог», как говорил вл. Антоний, следует за Богоматерью и сознает себя осененной водительством Св. Духа. В прозрении ММ происходит дополнение мистики Церкви мистикой Богоматери и Св. Духа.

Особая сосредоточенность ММ на пневматологических аспектах богословия, так же как общая эсхатологичность ее мысли, подготовлена, вероятно, влиянием прот. Сергия Булгакова и, шире, духовной атмосферой Серебряного века. Вспомним, к примеру, строки Андрея Белого: «В Москве устроим Духов день». В этих полушутливых стихах заметна тесная связь между учением о Св. Духе и эсхатологией. Ее и подчеркивает в своих сочинениях ММ. Однако, эта связь явствует из Св. Писания, обсуждается в межзаветной литературе, выходит на первый план в четвертом Евангелии и многих творениях первохристианской литературы. В контексте всей этой традиции Дух, который при сотворении мира как мать-птица высидывает тварь (*mrhpt* — согласно традиционному толкованию, — парить над гнездом, касаясь его крыльями, Быт 1:1), в Пятидесятницу, нисходя огненными языками, исполняет апостолов и в Откровении, в прозреваемом конце вместе с Невестой говорит: гряди! Итак, мы видим, что ММ, подчеркивая эсхатологичность учения о Духе, опирается на древнюю библейскую и церковную традицию.

Также несколько не произвольно и не случайно подчеркиваемое ею сближение Духа, Премудрости и Богоматери. Еще фон Рад утверждал, что иудейская эсхатология начинается с традиции Премудрости. Еврейские комментаторы также постоянно отождествляли Св. Дух (дух

⁷ ММ, т.1, 100.

⁸ Там же, 102, 104.

⁹ Там же, 123.

пророчества) и Премудрость. А подчеркивание в Св. Духе и Премудрости материнского (рождающего) и женственного начала осуществляется и в Св. Писании, и в раннехристианской литературе, и в еврейской мистике. Совершенно оригинальным, таким образом, в учении ММ о Св. Духе и Богоматери следует признать не какое-нибудь отвлеченное рассуждение, но интуицию, выразившуюся в образах обоюдоострого креста-меча Богоматери и Св. Духа — Распятой Птицы. На этих образах, а точнее, видениях, и хотелось бы остановиться.

В Духов день, 25 мая 1942 г., меньше чем за три года до мученической кончины, в оккупированном нацистами Париже, ММ закончила (а может быть за один день написала?) небольшую поэму «Духов день»¹⁰. До последнего времени она почти не привлекала внимание исследователей, а совсем недавно была глубоко и пронизательно проанализирована Г.Беневицем в книге, посвященной духовной биографии и творчеству ММ¹¹. Не имея возможности в рамках этого сообщения сделать столь же подробный анализ поэмы, мы отсылаем всех к этой работе, а для того, чтобы попытаться понять эсхатологическое видение Распятой Птицы, сосредоточимся на третьей песне поэмы.

Третья песня открывается изображением человечества в состоянии апокалипсиса как материального (голод, убийства, предательства, война всех против всех), так и духовного. Духовная гибель выражается в том, что Христос, никем не замеченный, уходит из храмов и в целом из человеческого общества, из повседневности, «Первенец из мертвых ушел из жизни». Эту мысль ММ развивала и в прозе. Предостерегая настоящее и будущее христианства от замыкания в себе, от обмирщения, уставщичества и эстетической церковной самовлюбленности вместо жизни во Христе, она писала: «Под бдительной охраной любителей красоты, под охраной мирской обманутости и ненависти, она (пропасть между Церковью и миром — А.Ш.-В.) может остаться навеки. Но, может быть, глаза имеющие зрение любви, увидят, как из алтаря, огражденного благолепным иконостасом, тихо и незаметно выйдет Христос. Пень продолжает звучать <...>, а Христос выходит на паперть и смешивается с толпой нищих, прокаженных, отчаявшихся, озлобленных, юродивых <...> Христос заново и заново полагает душу свою за други Своя. Перед Ним, вечной Истиной и Красотой, что наша красота и наше уродство?»¹². Однако здесь, в поэме, на это небывалое падение и неслышанное страдание отзывается на земле Богоматерь и на небесах Св. Дух: «Мать Иисуса и Давида дочь» поднимает меч всечеловеческого страдания и своего сострадания «на небеса небес, в Его жилище. Никто не попытается извлечь из сердца Птицы смертоносной стали. Он сам пришел себя на смерть обречь». В этом видении мы замечаем, как встречаются два противоположно направленных движения: Богоматерь, собирающая в Церковь все, что осталось от человечества возносит к Богу муку и молитву христианства и ответным движением крылья Духа, Параклета, осеняют мир, Он вновь высиживает творение. Богоматерь и Св. Дух максимально сближены и должно произойти второе, огненное, крещение. Об этом сказано не только в поэме, но и в заключении мистерии «Семь чаш»: «Неопалимой Купине причастны, Крещаемы Огнем Святого Духа»¹³, где Неопалимая Купина также намекает на Богоматерь. Этому видению при всей его эсхатологической крайности можно отыскать обоснование в Св. Писании: прежде всего в начале книги Исаяи (4:4), где помянут дух огня, и в ее завершении (64:1-2, особ. Таргум), где Духа Святого зовут сойти, а также в многократно всплывающем в образах поэмы «Духов день» видении Иезекииля (37) о Духе, животворящем сухие кости. Само понятие огненного крещения, огненного схождения Духа-Птицы в конце, конечно, восходит к Евангелию от Луки (Лк 3:16; 3:22) и оно вполне подготовлено контекстом межзаветной и мистической иудейской литературы, образами огненного потопа (1 Енох 67:13), Голубя-Вестника (ТВ Санх, 95а) и крылатой Шехины. ММ с удивительной точностью воссоздает апокалиптическую атмосферу раннего христианства, выражение «Птица-Вестник свободы» кажется будто взятым из 4 Ездры или Завещания Авраама. Однако, так хорошо подготовленное в этих терцинах торжество огненного крещения не происходит, человечество, как анти-, так и псевдохристианское, отрекается от свободы:

О, Дух животворящий, этой боли
Искал Ты? О, неузнанная весть,
Людьми не принятая весть о воле.
Где средь потопа Белой Птице сесть?
Где среди плевел отобрать пшеницу?
Что может пламень в этом мире съесть?

¹⁰ Мать Мария. Стихотворения, поэмы, мистерии... О. Zeluck, Paris, 1947, стр. 22–37.

¹¹ Г.Беневиц, Мать Мария. ВРФШ, СПб, 2003, стр. 276–290. Поэму «Духов день» см. также в приложении к этой книге, стр. 297–314.

¹² Мать Мария (Скобцова). Типы религиозной жизни. СФПХШ, М., 2002, стр. 35.

¹³ Кузьмина-Караваева Е.Ю. Избранное. М., Советская Россия, 1991, стр. 186.

Лети от нас, истерзанная Птица.
К Тебе никто не рвется, не привык.
Не можешь Ты ничьей любви добиться.

Вместо Нового Иерусалима из всего земного шара вырастает голгофская гора, вместо всеобщего воскресения в вечную жизнь происходит «черное воскресение», которому не подберешь толкования:

На площади Пилатова двора
Собрались все воскресшие народы,
И у костра гул голосов. Жара.
Как будто не существовали годы, —
Две тысячи годов исчезли вмиг.
Схватили Птицу, Вестника свободы.
В толпе огромной раздается крик:
«Распни ее, распни ее, довольно».
Вот кони стражи. Лес блестящих пик.

В наступившем полном и окончательном мраке совершается распятие Св. Духа. И коснувшись такого дна отчаяния, которого, как мне кажется, никто не описывал, ММ прозревает парусию: человечество ожидает Сына Божия, грядущего в славе:

Небесный полог распахнулся вдруг...
Труба архангельская нам рокочет...
Не смею больше...

Здесь поэма завершается, самого Пришествия ММ не описывает.

Распятие Птицы кажется нам пророческим видением, которое не поддается объяснению «эвклидовым разумом», однако, коль скоро ММ это написала, мы можем попытаться как-то это для себя истолковать. Мне представляется, что распятие Св. Духа — это образ совокупных мук всех бесчисленных невинных жертв того времени, всех невинно убиенных тоталитарными режимами XX в. Мученику открываются тайны Божьи («свидетельство Иисусово есть дух пророчества», Откр 19:10) и потому прмц. Мария провидела, что совокупная жертва всех невинно убиенных отклонила от человечества заслуженную им гибель и привела его под Покров Пресв. Богородицы и крылья Св. Духа. А нам остается благодарно принять из их рук подаренное нам будущее — третье тысячелетие.

26 сентября — 11 ноября 2005

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЬ МАРИЯ (Скобцова)

ДУХОВ ДЕНЬ

Терцины

Песня первая

У человека двойственен состав,-
Двух разных он миров пересечение -
Небесной вечности и праха сплав.
Он искры Божьей в тварной тьме свечение,
Меж адом и спасеньем он порог.
И справедливо было изречение
О нем: он червь, он раб, он царь, он Бог.
В рожденном, в каждом, кто б он ни был,
явлен
Мир, крепко стянутый в один комок.
В ничтожном самом вечный Дух прославлен
И в малом; искуситель древний, змей,
Стопою Девы навсегда раздавлен.
Я говорю лишь о судьбе своей,
Неведомой, ничтожной и незримой.
Но знаю я,- Бог отражался в ней.
Вал выбросит из глубины родимой
На берег рыбу и умчится прочь.
Прилив отхлынет. Жаждою томима,
Она дышать не может. Ждет, чтоб ночь
Валы сгрудила, чтоб законы суши
Мог океан великий превозмочь,
Вот на скалу он вал за валом рушит,
Прибрежным страшно. Рыба спасена,
И воздух берега ее не душит,
И влагою своей поит волна.
Судьба моя. Мертвящими годами
Без влаги животворной спит она.
Но только хлынет океаном пламя,
Но только прокатится гулкий зов
И вестники покажутся меж нами,-
Она оставит свой привычный кров
И ринется навстречу, все забудет...
Однажды плыли рыбаки на лов.
Их на воде нагнал Учитель. Люди
Дивились. Петр навстречу по водам
Пошел к Нему, не сомневаясь в чуде.
И так же, как ему, дано и нам.
Мы не потонем, если будем верить,
Вода - дорога гладкая ногам.
Но надо выбрать раз. Потом не мерить,
Не сомневаться, как бы не пропасть.
Пошел - иди. Пошла - иду. Ощерит
Тут под ногами бездна злую пасть.
Пошла - иду. А дальше в воле Божьей
Моя судьба. И Он имеет власть
Легко промчат на крыльях в
бездорожье,
Иль неподвижностью навек сковать,
Прогнать, приблизить к Своему подножью.
И я вместила много; трижды - мать -

Рождала в жизнь, и дважды в смерть рождала.
А хоронить детей, как умирать.
Копала землю и стихи писала.
С моим народом вместе шла на бунт,
В восстании всеобщем восставала.
В моей душе неукротимый гунн
Не знал ни заповеди, ни запрета,
И дни мои,- коней степных табун,-
Невзнузданных, носились. К краю света,
На запад солнца привели меня,-
И имя было мне - Елизавета.
На взгляд все ясно. Други и родня
Законы дней моих могли б измерить,-
Спокойнее живется день от дня.
Лишь иногда приотворялись двери,
Лишь иногда звала меня груба.
Не знала я, в какую правду верить.
Ничтожна я. Великая судьба
Сплетается с моей душой ничтожной.
В себе сильна. Сама в себе слаба.
И шла я часто по дороге ложной,
И часто возвращалась я назад
И падала средь пыли придорожной.
Никто не мог помочь, ни друг, ни брат,-
Когда томил иного счастья вестник.
Он не сулил ни счастья, ни наград,
Он не учил ни мастерству, ни песням,
Он говорил мне: "Лишь закрой глаза,
Прислушиваясь к океанской бездне.
Ты только часть, а целое - гроза,
Ты только камень, а праща незрима,
Ты гроздь, которую поит лоза.
Ты только прах, но крылья херувима
Огнем насыщены и рядом, тут.
Не допусти, чтоб он промчался мимо.
Лишь подожди, наверное дадут
Тебе крестом отмеченные латы
И в мир иной ворота отопрут:
Иди, слепая, и не требуй платы.
Тебя не проводит ни брат, ни друг:
И я тебе лишь знак, а не вожатый".
Упала я,- крест распростертых рук
Был образом великим погребенья.
Шлем воина - меня венчал клобук.
Какое после было откровенье,
И именем Египтянки зачем
Меня назвали? Нет, не удаленье,
А приближенность новая ко всем,
И не волчцы пустыни, и не скалы,-
Средь площадей ношу мой черный шлем.
Я много вижу. Я везде бывала.
Я знаю честь, я знаю и плевки,
И клеветы губительное жало,
И шепот, и враждебные кивки.
А дальше поведет меня дорога

При всех владыках мира в Соловки.
Мы все стоим у нового порога,
Его переступить не всем дано,-
Испуганных, отпавших будет много.
В цепи порвется лишь одно звено,
И цепь испорчена. Тут оборвалась
Былая жизнь. Льют новое вино
Не в старые мехи. Когда усталость
Кого-нибудь среди борьбы скует,
То у врага лишь торжество, не жалость,
В его победных песнях запоет.
Ни уставать, ни падать не дано нам.
Как пчелы майские, весенний мед
Мы собираем по расцветшим склонам.
В земле лежал костяк еще вчера
От кожи, жил и плоти обнаженным.
Еще вчера,- давнишняя пора.
Я отошла на сотни лет сегодня.
Пшеничный колос туг. Палит жара.
Благоприятно лето мне Господне.
И серп жнеца сегодня наострен.
Размах косы и шире и свободней.
Пади на землю, урожай времен,
В бессмертный урожай опять воскресни,
Людской пролитой кровью напоен.
Давнишний друг, иного мира вестник,
Пытает и в мои глаза глядит:
"Поймешь ли ты сегодняшние песни
И примешь мира измененный вид?
Твой челн от берега давно отчалил,
А новый берег все еще закрыт.
В который раз ты выберешь печали
Изгнанья, но теперь среди своих
Замкнулся круг, и ты опять в начале".
Но вестника вопрос еще не стих,
А я уже ответ мой твердый знала,
Уверенный, как вымеренный стих.
От тех печалей сердце не устало.
И я хочу всей кровию истечь
За то, что некогда средь неба увидала.
Спустился обоюдоострый меч,
Тот, памятный, разивший сердце Девы.
И должен он не плоть людей рассечь,
Крестом вонзиться. От Него налево
Разбойник похуливший виден мне.
Весь трепетный, без ярости и гнева,
Сосредоточенный в своей вине.
Да, знаю я, что меч крестом вонзится.
Вторым крещеньем окрестит в огне.
Печатью многие отметит лица.
Я чую приближенье белых крыл
Твоих, Твоих, сверкающая Птица.
Ты, Дух живой среди костей и жил,
В ответ Тебе вздохнет душа народа,
Который долго телом мертвым был.
Не человечья, а Твоя свобода
Живое в красоте преобразит
В преддверии последнего Исхода.
И пусть страданье мне еще грозит,-

Перед страданьем я склоняюсь долу,
Когда меня своим мечом разит
Утешитель, животворящий Голубь.

Песня вторая

Звериное чутье иль дар пророка,
Но только не от разума учет
Дает нам чуют приближенье срока,
Какой Давид сегодня отсечет
У Голиафа голову, сначала
Державных лат отбросивши почет?
И челн какой, сорвавшись от причала,
От пристани отпрянувши кормой,
Навстречу буре кинется? Встречала
Я много знаков. Скромн разум мой.
И если в чем упорствовать я буду,
Так уж не в том, что вычислить самой
Мне удалось. Лишь в приближеньи к чуду,
В том, что идет всему наперекор,
Искать священных знаков не забуду.
Как памятно. Какой-то косогор,
Вдали стреноженная кляча бродит.
И облака, как груда белых гор,
И ветер шалый бьется на свободе,
Клонит траву. Иль в мире этом есть
Лишь кляча да бурьян на огороде?
И есть еще, чего нельзя учесть:
Бездолье и тоска земной печали
И еле-еле слышимая весть.
О, в разных образах глаза встречали
Все тот же воплощенный лик тоски,-
Когда январские снега молчали,
Иль зыбились полдневные пески,
И Волга медленно катилась в Каспий,
Весной в Неве сшибались льда куски
И две зари полночные не гасли.
Я знаю,- Родина,- и сердце вновь,
Фитиль лампадный, напоенный в масле,-
Замрет и вспыхнет. Отольется кровь
И вновь прильет. И снова будет больно.
О, как стрела, пронзительна любовь.
На всем печаль лежит. Гул колокольный,
И стены древние монастырей,
И странников порядок богомольный,
Дела в Москве преставшихся царей,
Торжественных и пышных Иоаннов,
И их земля среди семи морей,
И дым степных костров средь ханских станов,-
Со свитою верхом летит баскак,-
Он дань собирает на Руси для ханов.
Потом от запада поднялся враг -
Поляк и рыцарь ордена немецкий.
А по Москве Василий, бос и наг,
С душою ангельской, с улыбкой детской,
Иоанну просто правду говорит.
Неистовый, пылает бунт стрелецкий.
Москва первопрестольная горит...
Еще... Еще... В руке Петра держава.
Сегодня он под Нарвою разбит,-

Заутра бой. И гул идет: Полтава.
Что вспоминать? Как шел Наполеон,
И как в снегах его погасла слава,
И как на запад возвратился он.
Что вспоминать? Дымящееся дуло,
Убийцу, тело на снегу и стон...
И смертной гибелью на все пахнуло...
Морозным, льдистым был тогда январь.
Метель в снегах Россию захлестнула.
Морозный, льдистый ею правил царь...
Но и тогда средь полюсных морозов
Пожар змеился и тянула гарь...
Шуми и падай, белопенный вал.
Ушкуйник, четвертованный Емелька,
Осенней ночью на Руси восстал.
Русь в сне морозном. Белая постелька
Снежком пуховым занесет ее,
И пеньем убаюкает метелька.
Солдат, чтобы проснулась, острием
Штыка заспавшуюся пощекочет.
Он точно знает ремесло свое,-
И мертвая как встрепанная вскочит,
И будет мертвая еще плясать,
Развевяши волос седые ключья...
Звон погребальный... Отпевают мать...
А нам, ее оставшимся волчатам,
Кружить кругами в мире и молчать,
И забывать, что брат зовется братом...
За четверть века подвожу итог.
Прислушиваюсь к громовым раскатам.
О, многое откроется. Сейчас
Неясно все. Иль новая порода
И племя незнакомое средь нас
Неведомый закон осуществляет
И звонко бьет его последний час?
Давно я вглядываюсь. Сердце знает
И то, чего не уловляет слух.
И странным именем все называет.
В Европе, здесь, на площади, петух,
Истерзанный петух разбитых галлов,
Теряет перья ключьями и пух...
Нет, не змея в него вонзила жало,
Глаза сощурив, спину выгнув, тигр
Его ударил лапою. Шакала
Я рядом вижу. Вместо летних игр
И плясок летних, летней же порою
На древнем месте новый мир воздвиг
Победоносный зверь. И стал тюрьюмою
Огромный город. Сталь, железо, медь
Бряцают сухо. Все подвластно строю...
О, пристальнее будем мы глядеть
В туманы смысла, чтоб не ошибиться.
За тигром медленно идет медведь,
Пусть нужен срок ему расшевелиться,
Но, раз поднявшись, он неутомим,-
Врага задушит в лапах. Колесница
Медлительная катится за ним.
Тяжелым колесом живое давит.
Не тяжелей ступал железный Рим.

Кого везет? Кто колесницей правит?
Где родина его? Урал? Алтай?
Какой завет он на века оставит?
Тебя я знаю, снежной скорби край.
В себе несу твоей весны напевы.
Тебя зову я. Миру правду дай.
Земля - Богоневестной Девы,
Для жертвы воздвигаемый престол,
Сегодня в житницу ты дашь посевы
Твоей пшеницы. Ты даешь на стол
Вино от гроздий, напоенных кровью,
Ты, чудотворный лекарь язв и зол.
Мир люто страждет. Надо к изголовью
Его одра смертельного припасть,
Благословить с надеждой и любовью,
На руки взять. И сразу стихнет страсть,
И сон целительный наступит сразу.
Проси, проси, и ты получишь власть
И кровь остановить, и снять проказу,
И возвратить ушам оглохший слух,
И зренье помутившемуся глазу.
За оболочкой плоти ярый дух,
Который вечен, и одновременно
Родился только что,- он не потух
В порывах урагана. И средь тлена,
Среди могил вопит Езекиил,
Вопивший некогда в години плена,
Костяк уже оброс узлами жил,
И плоть уже одета новой кожей.
Мы ждем, чтоб мертвых оживотворил
Животворящий Дух дыханья Божья.
И преклонились Божий уста,-
Жизнь пронесется молнией и дрожью,
И тайну Животворного Креста
Познает Иосафатова долина.
Могила Господа сейчас пуста,
И чудо прозревает Магдалина.

Песня третья

Он жил средь нас. Его печать лежала
На двадцати веках. Все было в Нем.
Вселенная Его лишь отражала.
Не так давно, спокойным, серым днем,
Ушел из храмов и домов убогих
Один, босой, с сумой, с крестом, с огнем.
Никто не крикнул вслед. Среди немногих,
Средь избранных царил такой покой,
Венцы сияли на иконах строгих.
А Он проплыл над огненной рекой
И отворил тяжелые ворота,
Ворота вечности, Своей рукой.
Ничто не изменилось: крови, пота
И гнойных язв на всех земных телах,-
Как было, столько же и есть. И та ж забота,
И нет пути, и в сердце мутный страх,
Непроницаемы людские лица.
Одно лишь ново: бьется в небесах,
Заполнив мир, страдающая Птица,
И всех живущих в мире бьет озноб,

И даже нелегко перекреститься...
Пустыня населялась... Средь трущоб
Лепились гнезда старческих кинонии.
В пещере дальней крест стоял и гроб.
И в городах, под пенье славословий,
Шлем воина сменялся на клобук,
Покой дворцов - на камень в изголовьи.
Закончен двадцативековый круг.
Полюнь растет, где храмы возрастали,
И города распахивает плуг.
Единый, славы Царь и Царь печали,
Источник радости, источник слез,
Кому не может развязать сандалий
Никто. Он в мир не мир, но меч принес.
Предсказанный пророками от Бога,
Краеугольный камень и утес,
Привывший плоть и возлюбивший много,
На дереве с Собой распявший грех,
Уже не смотрит ласково и строго,
Уж не зовет блудниц и нищих всех
Принять живой воды, нетленной пищи
И новое вино влить в новый мех.
И нищий мир по-новому стал нищий,
И горек хлеб и гнойны все моря,
Необитаемы людей жилища.
Что нам дворцы, коль нету в них Царя,
Что жизнь теперь нам? Первенец из мертвых
Ушел из жизни. Нету алтаря,
Коль нету в алтаре бескровной жертвы.
И пусть художник через сотни лет
О днях печали свой рассказ начертит.
Оставленный и одинокий свет.
В сугробах снежных рыскает волчица,
К себе волчат зовет, а их уж нет.
И над пустым гнездом тоскует птица,
И люди бродят средь земных дорог.
Непроницаемы людские лица.
Земную грудь попрут стопами ног,
Распределят между собой ревниво
Чужого хлеба найденный кусок.
Не отдохнут, а дальше торопливо
Пойдут искать... И что искать теперь,
Какого нам неведомого дива,
Какой свободы от каких потерь?..
А солнце быстро близится к закату.
Приотворилась преисподней дверь.
Иуда пересчитывает плату,
Дрожит рука, касаясь серебра,
К убитому склонился Каин брату,
Течет вода пронзенного ребра,
И говорят с привычкой вековой
Предатели о торжестве добра.
Подобен мир запекшемуся гною.
Как преисподним воздухом дышать,
Как к ядовитому привыкнуть зною?
Вглядись, взглядишь: вот бьется в небе рать,
И будет неустанно, вечно биться.
Вглядись: меч обоюдоострый... Мать...
Мать матерей... Небесная Царица,

Был плач такой же, на Голгофе был...
Вглядись еще: откуда эта Птица,
Как угадать размах священных крыл,
Как сочетать ее с землею грешной?
Пусть на устах последний вздох застыл,-
Глаза средь этой темноты крошечной
Привыкли в небе знаки различать.
Они видали, как рукой неспешной
Снял ангел с Откровения печать -
И гул достигнул до земного слуха.
Его услышав, не дано молчать.
Вздыхало раньше далеко и глухо,
Как вздох проснувшегося. А потом,
Как ураган, шумели крылья Духа
И прах, и небеса заполнил гром.
И лезвием блестящим рассекала
Струя огня храм, душу, камень, дом:
Впивалось в сердце огненное жало.
Ослепшие, как много вас теперь,
Прозревшие, как вас осталось мало.
Дух ведает один число потерь,
Дух только горечи и воли ищет.
М ать И исуса и Давида дочь,
Что херувимов огнекрылых чище,
Внесла свой обоюдоострый меч
На небеса небес, в Его жилище.
Никто не попытается извлечь
Из сердца Птицы смертоносной стали,
Он Сам пришел Себя на смерть обречь.
Так было предуказано вначале.
Начало мира,- этот меч и крест,
Мир на двуликой выращен печали:
Меч для Нее, Невесты из невест.
Крест Отпрыску Давида, Сыну Девы.
Одно и два. Смешенье двух веществ.
Сегодня вечности поспели севы
И Божьему серпу препятствий нет.
Сталь огненосна. Кровеносно древо.
Крещение второе. Параклет.
Огонь и животворный Дух крещения...
Сменяются потоки дней и лет,-
Все те же вы, бессмертны в повтореньи
Живые образы священных книг.
Пилат умоеет руки. В отдалении
Петуший утренний раздастся крик,
И трижды отречение Петрово,
Сын плотника склонит Свой мертвый лик,-
Ворота адавы разрушит Слово.
Но Славы Царь сегодня в небесах,
Утешителя Он нам дал иного,
Иной и мытарь посыпает прах
Наголову. Иного фарисея
Мы видим. Он с усмешкой на устах
Уж вычитал, об истине радея,
Что есть закон. Закон не превозмочь.
А кто восстанет, тем судьба злодея.
Которого Вараввы? Пусть он прочь,
Прочь от суда уходит на свободу.
Трехдневная приблизилась к нам ночь.

К избранному Израилю, к народу
Новозаветному, внимай, внимай.
Вот некий Дух крылом смущает воду,
Где хочет, дышит, воскрешает рай
В сердцах блудниц и грешников убогих.
Израиль новый, Божью волю знай,
Ведь сказано в Его законах строгих,-
Дар благодати взвешен на весах,
Дар благодати только для немногих.
Ч то создано из праха, будет прах...
И звонко заколачивает кто-то
Гвоздь в перекладину креста. И страх,
Кошунства страх, о чистоте забота,
И ужас непрощаемой хулы
Весь мир мертвит. И смертная дремота
Огонь покрыла пеленой золы.
Недвижны звезды в небе, звери в поле,
В морях застыли водные валы.
О, Дух животворящий, этой боли
Искал Ты? О, неузнанная весть,
Людьми не принятая весть о воле.
Где среди потопа Белой Птице сесть?
Где среди плевел отобрать пшеницу?
Что может пламень в этом мире съесть?
Лети от нас, истерзанная Птица.
К Тебе никто не рвется, не привык.
Не можешь Ты ничьей любви добиться.
Виденьям не покорствует язык.
Что видели глаза, пусть скажет слово.
Огонь среди мертвых, преисподней рык.
Пусть будет сердце смертное готово
Предстать на суд. Пусть взвесит все дела,

Пусть выйдет в вечность без сумы и крова.
Грудь голубя сегодня не бела,
На ней кровавые зарделись пятна,
И каплет кровь с высокого чела,
И шумы крыл не так для слуха внятны.
Единая Голгофская гора
Вдруг выросла и стала необъятна.
На площади Пилатова двора
Собрались все воскресшие народы,
,И у костра гул голосов. Жара.
Как будто не существовали годы,
Две тысячи годов исчезли вмиг.
Схватили Птицу, Вестника свободы.
В толпе огромной раздается крик:
"Распни ее, распни ее, довольно".
Вот кони стражи. Лес блестящих пик.
Глубоко вкопан столб. Доской продольной
Он перекрещен. Я в толпе, и ты,
И ты,- другой и все. Тропой окольной
Бежать средь наступившей темноты
В отчаяньи какой-то рыбарь хочет...
Вдруг в небе предрассветные цветы...
Вдруг серебро, слепящее средь ночи.
Небесный полог распахнулся вдруг...
Труба архангельская нам рокошет....
Не смею больше... В сердце не испуг,
Но все ж не смею... И усилье нужно
Опомниться... Вещей привычный круг.
Я в комнате. А за стеной наружной
Примята пыль. Прошел недавно дождь.
От северной границы и до южной
Пасет народы предреченный Вождь.

Духов день 25 мая 1942 г.